

К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭКСПЛОЗИИ ЗАНЯТИЙ И ПРОФЕССИЙ

Александр Г. Кислов

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия;

Е. Ю. Щербина

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Предлагается актуализация концептуального потенциала научно-философского наследия Ю. М. Лотмана (1922–1993) и М. К. Петрова (1923–1987) в направлении теории взрывного усложнения, роста многообразия и нестабильности, наблюдаемых в последнее время в сфере занятий человека, профессий и связанных с ними институций (профессиональных сообществ, профессионального образования, профориентологии и др.). Гетерогенная и гетерономная совместность (фр. *partage*) в свете работ Ж.-Л. Нанси (р. 1940) — важнейшая эвристическая интуиция предлагаемой актуализации. Она позволяет продумать единую, но подвижную, разнонаправленно трансформируемую и полисемантическую рамку будущей теории ускоренно обновляемого профессионального многообразия, его объяснения, прогноза вероятных сценариев развития и стратегий самоопределения в нем и управленческих стратегий в его отношении. Концептуальная развертка интуиции совместности представлена совместимой и с теоретическими положениями семиотики культуры Ю. М. Лотмана и социокультурной динамики М. К. Петрова. Профессиология до настоящего времени находится в поиске методологической платформы, которая позволила бы дополнить ее ретроспективные обобщения и междисциплинарную разорванность. Актуализация потенциала концепта совместности позволяет ей консолидировать мультидисциплинарные исследования и их результаты и направить по пути бережного в отношении сделанного и одновременно смелого в сообразовании с заявляющими о себе социальными процессами теоретического конструирования. Авторы наблюдают готовность современного мультидисциплинарного дискурса к объединению на такой методологической платформе, позволяющей не раствориться в ней под воздействием неизбежных для методологии приоритетов и презумпций и в то же время сфокусировать коллективные

усилия сообщества исследователей мира занятий и профессий на наиболее перспективных и практико-ориентированных аспектах предмета своего исследования.

Ключевые слова: многообразие, взрыв, эксплозия, неопределенность, совместность, мир занятий и профессий.

Для цитирования: Кислов Александр Г., Щербина Е. Ю. К концептуализации эксплозии занятий и профессий // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 88–103. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.004

TOWARDS THE CONCEPTUALIZATION OF OCCUPATIONS AND PROFESSIONS' EXPLOSION

A. G. Kislov

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

E. Yu. Shcherbina

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The paper proposes the mainstreaming of the conceptual potential of Yu. M. Lotman (1922–1993) and M. K. Petrov (1923–1987) scientific and philosophical heritage relating to the theory of explosive complexity, increasing diversity and instability, which our society has recently been observing in occupational, vocational and professional spheres and the related social institutions (professional associations, professional education, professional guidance, etc.). Heterogeneous and heteronomic being-in-common (Fr. *partage*) in light of the works of J.-L. Nancy (b. 1940) is the most important heuristic intuition of the proposed updating. It allows one to think through a single, but flexible, multi-directionally transformable and polysemantic framework for the future theory of rapidly updated professional diversity, its explanation, forecast of likely development scenarios and strategies for self-determination within it and management strategies in relation to it. The authors present the conceptual unfolding of the intuition of being-in-common (*partage*) to be compatible with both the theoretical provisions of the semiotics of culture of Yu. M. Lotman and the socio-cultural dynamics of M. K. Petrov. Professionology is still searching for a methodological platform that would complement its retrospective generalizations and interdisciplinary discontinuity. The actualization of the potential of the concept of compatibility allows it to consolidate multidisciplinary research and its results and to guide them along the path of careful and, at the same time, bold theoretical construction in accordance with what social processes declare themselves to be. The authors observe the readiness of today's multidisciplinary discourse to unite

on such a methodological platform that allows for not to being lost in it under the influence of priorities and presumptions that are inevitable for the methodology, but, at the same time, focusing the collective efforts of occupational researchers on the most promising and practice-oriented aspects of the subject of their research.

Keywords: diversity, blast, explosion, uncertainty, compatibility, the world of occupations, vocational and professions.

For citation: Kislov, Alexandr G. and Shcherbina, E. Yu. (2020), "Towards the Conceptualization of Occupations and Professions' Explosion", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 88-103 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.004

Происходящее в мире занятий и профессий потребовало не только оценивающих их потенциал ретроспекций концептуальных подходов к этой сфере и реализующих их теоретических построений [Абрамов 2014; Абрамов 2016], но также и активного концептуального поиска тех интуиций, которые бы позволили от констатаций конца стабильности и определенности перейти к этапу их объяснения, прогнозирования возможных векторов их развития и предложения адаптационных и управленческих стратегий, позволяющих человеку, социуму обустроиться в неравновесном и турбулентном мире [Романов, Ярская-Смирнова 2015]. В этом поиске должна занять свое место интуиция совместности, активно разворачиваемая в концептуальных построениях Ж.-Л. Нанси и последовавших за ним авторов. Обращая на нее внимание тех, кто занимается осмыслением современного мира занятий и профессий, подчеркнем также важность наследия отечественных авторов, концептуально совместимых с Ж.-Л. Нанси и его последователями, что может оказаться весьма значимым в современной работе по построению новой теории занятий и профессий. Авторами настоящей публикации уже предпринимались некоторые попытки обратить на них внимание [Щербина, Кислов 2020а; Щербина, Кислов 2020b], в развитие которых предложена эта статья.

В 1992 г. только что вышедшая тогда работа Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» [Лотман 1992] если и произвела взрыв, то лишь в узком кругу ее читателей. Она не стала методологическим манифестом для русскоязычных гуманитариев, хотя имела все основания таковым стать. Их внимание тогда поглотил другой взрыв, названный потом В. В. Путиным «крупнейшей геополитической катастрофой прошлого века». Ю. М. Лотман в своей работе писал: «Взрыв как явление физики лишь метафорически переносимое на другие процессы, отождествился для современного человека с идеями разрушения и сделался символом деструктивности. Но если бы в основе наших представлений сегодняшнего дня лежали такие ассоциации, как эпохи великих открытий, Ренессанс или вообще искусство, то понятие взрыва напоминало бы нам, скорее, такие явления, как рождение нового живого существа или любое другое творческое преобразование структуры жизни» [Лотман 1992, с. 22].

За прошедшие после выхода книги Ю. М. Лотмана почти три десятилетия «творческое преобразование структуры жизни» стало прочно коннотировать с турбулентностью, взрывом, более того — с эксплозией как его предельно экспоненциальной разновидностью. Как следствие — и распространившаяся в мироощущении значительного числа людей, сформированных в архаичных традициях стабильности и инерции, «стратегическая растерянность» [Лукша 2018] и многочисленные (тоже эксплозия!) встречные ей версии стратегий, призванных совладать с нею, обуздать ее — какой-нибудь определенностью. Определенности этих стратегических версий имеют, конечно же, семиотическую природу, что сохраняет актуальность обращения к названной работе Ю. М. Лотмана и в наши дни.

Обратим также внимание, что эксплозией вполне может быть названо и то, что происходит сегодня в мире профессий, шире — во всей сфере человеческих занятий, активностей. Они становятся всё менее стабильными, все более неопределенными: «В настоящее время руководители принимают кадровые стратегические решения в условиях неопределенности. В то же время никто не может гарантировать работнику, что его квалификация будет востребована в кратко- и среднесрочной перспективах» [Иштирякова, Галева 2019, с. 26]. Определенность теряет само понятие профессии. В ответ разворачивается поиск моделей содержания и организационных форм «преадаптации к неопределенности как стратегии навигации целенаправленных развивающихся систем» [Асмолов, Шехтер, Черноризов 2017, с. 8], в том числе преадаптации человека к нестабильному миру профессий и иных занятий, профессиональной ориентации и переориентации, непрерывного и опережающего профессионального образования. Поэтому и среди поставленных на государственном уровне задач национального проекта «Образование» — модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ; формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся [Национальный проект 2018].

Но профессии — это не только применяемые в профессиональной деятельности знания и умения, не только реализация способностей и талантов. Каждая профессия — это всегда особый дискурс (выраженный, прежде всего, в языке, а также в деятельности и взаимоотношениях с миром), а значит, и обособленная группа его (этого дискурса) носителей, т. е. профессиональное сообщество. Обособленность его не установлена искусственно. Здесь имеет место естественный и неизбежный эзотеризм, обусловленный спецификой определенной социокультурной ниши. Определенность же данной ниши не только подвижна,

как всё в современном мире, но еще и определяема изнутри, из самой ниши, т. е., говоря языком эзотериков, «посвященными», их авторитетом, традициями, инерцией. В связи с чем здесь пригодятся некоторые основополагающие для его концепции понятия известного не в самых широких кругах даже гуманитариев М. К. Петрова (1923–1987), размышлявшего о причинах появления и путях становления европейской науки и построенного на научных основаниях образования [Петров 1991; Петров 1996; Петров 1997; Петров 2004]. Они не им придуманы, но довольно основательно продуманы, и, как в гуманитаристике часто бывает, мало-помалу, но результаты его интеллектуальных усилий входят в признаваемый научным сообществом теоретический инструментарий¹.

Первое понятие — **фрагментация** (и соответствующая ей **упаковка**) **знаний** и всего значимого для определенной культуры содержания. Важны и способы фрагментирования, разбивки, сегментации этого содержания, и способы его упаковки и сохранения, и способы выражения (тут в дело вступают знаки, языки) и трансляции, а еще и (для тех культур, где она есть) способы трансмутации (обновления) знаний, культуры в целом. Надо заметить, что трансмутации совсем не для каждой культуры обязательны и совсем не фатальны: сотни тысяч лет человечество ими не было озабочено, а если и было, то разве что во имя пресечения таковых, и это обеспечивало стабильность, консервацию, воспроизводство наработанного определенной культурой, но ни в коем случае не его обновления. Табуирование обновлений, то глухое, то яростное сопротивление им, вязкая инерция старого, традиционного гораздо характернее для культуры, особенно если смотреть на нее ретроспективно. И до сих пор есть островки откровенного пресечения трансмутации знаний, развития культуры. До сих пор есть континенты (не совпадают с географическими) неоткровенного, то стыдливого, то невнятного, а при этом нередко и вдохновенного, но — пресечения обновления знаний, представлений о мире и человеке, всего культурного содержания.

Тем не менее в истории Европы, начиная с эллинов, случился прорыв (взрыв), «мерами затухающий и мерами возгорающийся», как огонь Гераклита: наряду и на остатках руинизируемой мифологии возникла наука, поначалу преимущественно как теоретическое (созерцательное, умозрительное, но рефлексивное и самокритичное) отношение людей к миру и самим себе, некоторое время лишь в форме отвлеченного от повседневности философствования, а потом и как подкрепленное опытным, а то и экспериментальным вторжением в действительность — как природную, так и социальную, в меж- и даже внутриличностную. Но вторжение это всё равно задавалось теоретическими предположениями. Теория стала новым (после мифа появившимся) способом

¹ См., например, публикации авторов, объединяемых журналом «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований» [Политическая концептология 2020].

упаковки и трансляции, а еще и трансмутации (чего нет в мифе) знания, а вслед за ним и всей культуры.

Теория позволила знанию стать компактным и емким, потому что предельно обобщенным, а потому мобильным и адаптивным, в том числе к практическим запросам. Отвлеченная теория смогла стать конвертируемой в самую обыденную практику, а ее преподавание новым поколениям оформилось в специальный социальный институт, именуемый университетом (высшей школой), распространившимся по всем странам мира поверх не только их религиозных, но и экономических, и политических различий. Всякое профессиональное сообщество в Европе благодаря упомянутому случившемуся у эллинов и распространившему свое воздействие социокультурному взрыву стало носителем не только и не столько корпуса герметических мифов, но и теории (теорий) — не только «легких на подъем» по части своего распространения (трансляции) среди владеющих навыками теоретического мышления представителей рода человеческого, но и располагающих к конструированию разнообразных, в том числе альтернативных, версий интерпретаций реальности и способов взаимодействия с ней. Альтернативность и пролиферация вступили в конкуренцию с традицией и сакрализацией.

Второе важное для концепции М. К. Петрова понятие — *пределы индивидуальной ментальной вместимости*: сколь бы ни был способ теоретической упаковки компактным, но возможности всякого индивида впитывать, удерживать в памяти, а еще и переосмысливать знания всё равно ограничены — и психически, и физиологически. Знания, культурную память приходится приспособлять под неизбежную ограниченность индивидов — во все времена, пока индивиды играют хоть какую-то роль в существовании социума. Неизбежным следствием такого приспособления к ограниченности индивидов и является сообразуемая с ней фрагментация знаний, памяти, культурного наследия. «Физиологические и ментальные ограничения человека, его “вместимость” как субъекта любых видов социально необходимой... деятельности вынуждают общества любых типов, если они несут через поколения массив знаний, превышающий возможности индивида, фрагментировать этот массив на части, посильные человеку. Поскольку объем фрагментов лимитирован лишь трудоемкостью и сложностью входящих в него программ деятельности, в состав фрагмента [эти] программы могут входить в самых причудливых сочетаниях. В долине Ганга, например, фрагмент “парикмахер”, прописанный по касте наи, в качестве одной из программ включает обязанность устраивать матримониальные дела семей клиентов» [Петров 1991, с. 118]. Эта «причудливость» фрагментирования несет в себе много случайного, о чем М. К. Петров говорит часто и с доброй иронией, имея в виду усилия ищущих в этих процессах что-то аподиктическое: иногда полезно успокоиться и на признании контингентности.

Третье понятие, важное для понимания феномена профессий в рамках концепции М. К. Петрова, — *интерьер* (наполнение в границах вместимости): профессиональная деятельность «репродуктивна, фрагмент знания как раз и возможен в силу ее репродуктивности, поэтому относящиеся к делу реалии — материалы, орудия, продукты — получают некоторую обобщенную характеристику, которую мы... будем называть “интерьер” — вычлененное из социального окружения вообще и прихватывающее реалии самой социальности “рабочее место” данного смертного индивида, как оно определено фрагментом знания. Границы и состав интерьера должны определяться тем минимумом, без которого зафиксированные во фрагменте виды деятельности становятся невыполнимыми... Мертон в близком значении употребляет термин “ролевой набор”, но в его определении отсутствует весьма существенная... черта — жизненно важная для индивида связь интерьера с фрагментом знания, а через фрагмент с социальным целым как долгоживущей, практически вечной сущностью... Связь интерьера деятельности с фрагментом знания, обязательное присутствие фрагмента в интерьере на правах весьма существенной его реалии важны... в том именно плане, что индивид способен внести какой-то вклад в социальную наследственность, модифицировать или... “трансмутировать” ее только через унаследованный им фрагмент знания» [Петров 1991, с. 15].

Одним лишь сообразованием с возможностями индивидов (их границами и потенциалом трансмутаций) дело не заканчивается. Культура вмещает в них себя, а не что-то другое. Транслирует через них — себя. И трансмутирует через индивидов, через их активность, в том числе творческую, тоже она — определенная культура. Потому способы фрагментации определяются еще и ею же, ее особенностями — и здесь уже много аподиктического. Согласно М. К. Петрову, — лежащим в основе определенного типа культуры *социокодом* (по аналогии с генетическим кодом в живом мире — четвертое понятие, играющее важную роль в его концепции). От социокода наряду с границами ментальной вместимости индивидов зависит не только то, как фрагментируется и реплицируется знание, всё содержательное богатство культуры. Он задает фрагментацию и репликацию не только знаний, но и типов деятельности, прежде всего профессиональной, которыми занимаются индивиды, принадлежащие данной культуре, и комплекса институтов коммуникаций между ними, в том числе и профессиональных и образовательных институтов (сообществ).

Социокультурная трансмутация напрямую касается индивидов, творится как социокодом, так и некоторыми из них, **вместе** с ними, вторгается в отношения почти **между** всеми ними (специально выделяем термины, актуализированные Ж.-Л. Нанси, безбрежно широко употребляемые, но глубоко им осмысленные в концепции совместности). Потому эллинский социокультурный взрыв неизбежно продолжается становлением общества индивидов (Н. Элиас), индивидуализированного общества (З. Бауман). А интенсивные трансмутации

проявляются не только установлением дополнительных возможностей выстраивания взаимосвязей (сегодня — мобильные телефоны, электронная почта, сети и т. д.), но и сопровождающими их порой значительными разрывами (множественностью, по Ж.-Л. Нанси) между людьми, особенно в коммуницировании между группами различных интересов, в том числе поколенческими и, конечно, профессиональными (эти группы получают возможность всё больше замыкаться на себя, игнорируя коммуникацию с представителями других групп). Эзотеричность и герметичность той ниши, в которой существуют сегодня отдельные профессиональные сообщества, порой столь велика (живой и «свежий» пример — адвокат Э. Пашаев, много правды продемонстрировавший о своей профессиональной группе), что некоторые современные «работодатели практически никогда не могут четко и операционально (т. е. на уровне алгоритма) выразить свои требования к кандидату. Однако в подавляющем большинстве случаев отбор и последующее продвижение происходит не по формальным критериям, а по «общности **языка**». Общность устанавливается в первые же минуты собеседования: по словам-маркерам, часто ничего не говорящим постороннему, и используемым оборотам речи, которые действуют как пароль («Мы с тобой одной крови, ты и я»). То, что традиционно именуется «личными качествами» претендента, порой не имеет никакого отношения к его личности — это качества **языка**, которым он овладел (и который овладел им)» [Вахштайн 2006, с. 28].

Метафора языка в осмыслении социокультурных реалий, процессов оказывается неизменно плодотворной. Метафора — не просто один из выразительных приемов, свойственных поэтическому и обыденному языку. Мышление метафорично, поскольку оно является не механическим повторением сказанного или написанного, а творческим смысловосозданием и смыслоосозиданием: «Метафора именно создает, а не выражает сходство» [Блэк 1990, с. 154]. Поэтому метафоричны языки науки, научное мышление, в том числе в науках, чьим объектом является сфера образования [Вахштайн 2011; Константиновский, Вахштайн, Куракин 2013; Леонтьева 2011] — профессионального образования в частности. И метафоричность науки особенно возрастает, когда она ищет ответы на нетривиальные вызовы [Андрюхина 2013].

Нетривиален поиск ответа на вызов роста профессиональной мобильности, вполне реальной и часто вынужденной на протяжении всей жизни современного человека, что делает необходимой адаптацию к ней, готовность человека к смене своих профессиональных и иных занятий, ролей, статусов. Профессии обнаружили свою конечность во времени и текучесть (неопределенность) в пространстве, т. е. многие уходят в прошлое, большинство трансформируется, растет число новых. И поскольку мир профессий и видов занятий в современном обществе стремительно усложняется, постольку усложняются содержание, структура, формы профессионального образования.

Сравнение мира профессий и особенно освоения профессий (профессионального образования) с миром языков не случайно. «Нам нетрудно представить себе образование по аналогии с языком, когда мы говорим о развитии маленького ребенка. Собственно, для него освоение языка и есть образование. На первых этапах жизни “словарный запас” — естественный показатель образованности... коррелирует образования. Однако значит ли это, что “родовое сходство” образования и языка заканчивается с последним написанным в школе сочинением? Отнюдь нет. Профессиональное образование еще в большей степени требует обращения к лингвистической метафоре» [Вахштайн 2006, с. 28]. Потому полезно будет вернуться к семиотике Ю. М. Лотмана.

В самой первой, ориентирующей всё последующее внимание читателя, фразе упоминавшейся его работы отмечено: «Коренными вопросами всякой семиотической системы являются, во-первых, отношение к внесистеме, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике. Последний вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом система, оставаясь собой, может развиваться» [Лотман 1992, с. 7], т. е. второй вопрос — к внутри-, интрасистеме. Иначе говоря, первый вопрос — о ее гетерономии, второй — об автономии. Классическим примером поиска ответов на эти вопросы стали размышления И. Канта о гетеро- и автономии морали. Ю. М. Лотмана же интересует соотношение гетеро- и автономности семиотической системы, языка. Потому что «мы погружены в пространство языка. Мы даже в самых основных условных абстракциях не можем вырваться из этого пространства, которое нас просто обволакивает, но частью которого мы являемся и которое, одновременно, является нашей частью. И при этом наши отношения с языком далеки от идиллии: мы прилагаем гигантские усилия, чтобы вырваться за его пределы, именно ему мы приписываем ложь, отклонения от естественности, большую часть наших пороков и извращений. Попытки борьбы с языком так же древни, как и сам язык. История убеждает нас в их безнадежности, с одной стороны, и неисчерпаемости — с другой» [Лотман 1992, с. 177].

Внутри дихотомии гетеро- и автономности «язык создает свой мир» [Лотман 1992, с. 8]. О повороте «мысли и языка к внешнему того самого предела, которому они раскрыты в показе (и который они показывают сами)» писал и Ж.-Л. Нанси [Нанси 1994, с. 164]. И общность носителей профессии («цех», профессиональное сообщество), и работающая на нее образовательная инсти-туция создают свой мир, в который втянуты и социум, и индивиды, и даже природа, а теперь и техносреда. И работают все эти элементы мира (интерьер) подобно тому, как действует язык, — только «втянув» их в себя, сделав их своей частью, подчинив внутри себя себе — хотя бы семиотически. В противном случае они лишь имитируют взаимодействие с ними, например под влиянием требований государства или семьи, или религиозных инстанций, раздражая

то тех, то других, то всех их вместе, но сохраняя свою герметичность — и чем больше на них нажим извне, тем плотнее их теснимая герметичность, чреватая в таком случае опять же — эксплозией. Без герметичности будет нарушен их гомеостаз, и без него они просто погибнут — эксплозия может вести к гибели, поскольку она — форма катастрофической реакции. Поэтому внешние институты, бесконечно посягая на автономию системы образования ли, профессиональных сообществ ли, вторгаясь в их пространство, вынуждены сдерживать себя и друг друга от случающихся порывов готовности подменить их самими собой. Так, например, даже семейное образование, даже в безупречно справляющейся с этой задачей семье без сопровождения и поддержки формальным (так часто и заслуженно жестко критикуемым) образованием оказывается лишенным важнейших социализирующих результатов.

«Пространство, лежащее вне языка, попадает в область языка и превращается в (его, языка. — Авторы) “содержание” только как составной элемент дихотомии “содержания — выражения”. Говорить о невыраженном содержании — нонсенс» [Лотман 1992, с. 8], т. е. язык не видит и не слышит того, что им же не выражено. Но в примечании к этой фразе чуткий Ю. М. Лотман не может не уточнить: «Сказанное не исключает того, что выражение может быть реализовано значимым нулем, присутствовать как отсутствие» [Лотман 1992, с. 8]. А то, что уже в языке, в том числе и включенное в него молчание (в форме пауз или хотя бы невнятицы, сбивчивости, косноязычия), недосказанность, несказанность, молчание в любой форме, — что-то выражает. Потому что оно — внутри языка, который всегда и обязательно — и содержание, и его (содержания) выражение. И эти «фигуры умолчания», непроизносимой самоочевидности для носителей языка определенной профессии — характерное проявление единого «содержания — выражения».

«Отношение языка к внеязыковой реальности — одна из коренных проблем. План содержания... представляет собой конвенциональную реальность. Язык создает свой мир. Одновременно возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, и мира, существующего вне связи с языком, лежащего за его пределами... Таким образом, исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (т. е. объективного с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка» [Лотман 1992, с. 8–9]. Из сказанного следуют: «1. Необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности. 2. Неизбежность того, чтобы пространство реальности не охватывалось ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью.

Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность

есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость другого (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в “одной плоскости”, образуя в ней внутренние границы. Их взаимная неперебиваемость (или ограниченная перебиваемость) является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков. Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [Лотман 1992, с. 9–10].

Мир профессий так же изначально множественен, как языки. Через профессии люди взаимодействуют с одной и той же окружающей их реальностью, пусть с разными ее аспектами, которые отнюдь не однозначно соотношены с различными профессиями. Предметы профессиональной деятельности, да и сама деятельность, ее виды сосуществуют «внахлест», содержательно и формально пересекаются, переводятся, подобно разным языкам, друг в друга. При этом зачастую остается и неперебиваемый остаток, делающий каждую из профессий незаменимой, не заменяемой даже совокупностью других. И чем шире и многообразней вовлекаемая в жизнь людей реальность, тем больше поводов к умножению умений, занятий, профессий. Процесс этот катастрофически ускоряется, он уже не только обустроивает человека в усложняющемся мире, он одновременно и взрывает это обустройство. Всё меньше оснований надеяться на управление этой эксплозией, но осмыслить, концептуализировать ее пытаться нужно, что даст шанс адаптации и даже преадаптации человека к теряющему определенность миру занятий и профессий.

Греза идеального (и потому всеохватывающего — так, как будто идеальность и всеохватность — синонимы) языка, описывающего (выражающего) идеальный мир — построение из серии «гладко было на бумаге». Адекватней реальности язык как множество, совместность разных языков, несводимое к единому знаменателю, как принципиально неполная, открытая целостность (по К. Геделю). Наверное, потому адекватнее, что сама реальность — не столько сплошная, континуальная, плавная, сколько разорванная, дискретная, взрывная, в том числе эксплозивная. Напрашивается аналогия с родо-видовым многообразием жизни, которая им и держится. Разрывы и различия [Делёз 1998] — то, что нужно научиться принимать, осмысливать, существовать в них — вопреки восходящим к архаике привычкам упаковки всего и вся в единую и единственную общность-тотальность, против чего выступает и Ж.-Л. Нанси. Совершенно не случайно отсутствие самой возможности идеального и потому

единственного языка: «В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего.

В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение (идентичность А и В) делает общение бессодержательным. Таким образом, допускается определенное пересечение этих пространств и одновременно пересечение двух противоборствующих тенденций: стремления к облегчению понимания, которое будет постоянно пытаться расширить область пересечения, и стремления к увеличению ценности сообщения, что связано с тенденцией максимально увеличить различие между А и В. Таким образом, в нормальное языковое общение необходимо ввести понятие напряжения, некоего силового сопротивления, которое пространства А и В оказывают друг другу. Пространство пересечения А и В становится естественной базой для общения. Между тем как непересекающиеся части этих пространств, казалось бы, из диалога исключены» [Лотман 1992, с. 14]. И мир профессий, занятий тоже не может не быть напряженным, парадоксальным, множественным и потому живым, т. е. не идеальным, тотальным, придуманным, надуманным, сплошным и монологичным, без разрывов и срывов. Причудливо сложившаяся в разных культурах совместность занятий и профессий позволяет производить объективно полезное (внутреннее) и соответствующее внешней объективности, что становится основой совместности и разных культур, а потому и сравнений поисков ими оснований сравнимости, а то и идентичности некоторых (многих) профессий.

Ж.-Л. Нанси пишет о современном обществе не как о единстве, а как о совместности разнящейся множественности. Только в ней и возможен смысл, который — не со-мыслие, тем более не единомыслие [Нанси 1991, с. 101] Совместность проживается через *соприкосновения*, тактильно, в них она живет сообществом тел: «Они соприкасаются и одновременно друг от друга отталкиваются. Тело — истина тела — всегда было про-межутком между» [Нанси 1999, с. 93], но отнюдь не гармоничным строем, стремящимся слиться в едино- и затем в однообразии. «Обмен информацией в пределах пересекающейся части смыслового пространства страдает... пороком тривиальности. А ценность диалога оказывается связанной не с... пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе — делает его невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности» [Лотман 1992, с. 15].

Так что радикальный гетерогенный и гетерономный мультипрофессионализм, подобно радикальному гетерогенному и гетерономному мультилингвизму, подобно колоссальному многообразию форм жизни, обеспечивает совместный общечеловеческий прорыв к объективному, к за-языковой реальности. Поэтому сегодня много говорят о мульти- и транспрофессионализме: вхождение в очень разные профессии (их освоение) и круги (социальные группы) их носителей (в профессиональные сообщества), опыт приятия, адаптации и преадаптации к разнице, готовность к встрече с новой разницей, совладание в этой ситуации с собой и самою этой разницей — путь совместного адаптивного сосуществования в мире, картина которого парадоксальна и благодаря этому более адекватна миру. Поэтому профессиональное образование должно стать не просто мультипрофессиональным, а избыточно-, метапрофессиональным [Кислов 2006]. Избыточность («экономия непроизводительной траты», по Ж. Батаю [Батай 2003; Кропотов 1999]) — не просто черта, а условие развития. Концептуально развернутая интуиция совместности Ж.-Л. Нанси, подкрепленная теоретическими построениями Ю. М. Лотмана и М. К. Петрова, позволяет осмыслить, объяснить эту избыточность и спрогнозировать ее развитие и наше самоопределение в нем. Профессиональное самоопределение серьезно заботит современного человека, и он стремится получить методологически убедительные основания теоретически состоятельных ответов на эту озабоченность.

Список литературы

- Абрамов 2014 — *Абрамов Р. Н.* Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 : Социология. Реферативный журнал. 2014. № 3. С. 22–49.
- Абрамов 2016 — *Абрамов Р. Н.* Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области : монография. М. : Вариант, 2016. 452 с.
- Андрюхина 2013 — *Андрюхина Л. М.* Культурная топология креативности: возможности человека XXI века // Инновационные проекты и программы в образовании. 2013. Т. 1. № 1. С. 3–8.
- Асмолов, Шехтер, Черноризов 2017 — *Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
- Батай 2003 — *Батай Ж.* Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М. : Гнозис : Логос, 2003. 208 с.
- Блэк 1990 — *Блэк М.* Метафора / пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 153–172.
- Вахштайн 2006 — *Вахштайн В. С.* Код образования // Платное образование. 2006. № 10. С. 26–29.
- Вахштайн 2011 — *Вахштайн В. С.* Метафоры и метаморфозы университета // Культиватор. 2011. № 3. С. 20–30.
- Делёз 1998 — *Делёз Ж.* Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
- Иштирякова, Галеева 2019 — *Иштирякова Л. Х., Галеева Г. М.* Трансформация рынка труда в условиях цифровизации экономики // Электронный экономический вестник Татарстана. 2019. № 3. С. 26–37.

- Кислов 2006 — Кислов А. Г. О перспективах профессиоведения // Профессиональная педагогика: становление и пути развития : материалы науч.-практ. конф., 11–12 апреля 2006 г., Екатеринбург : в 3 ч. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. С. 75–80.
- Константиновский, Вахштайн, Куракин 2013 — Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 224 с.
- Кропотов 1999 — Кропотов С. Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1999. 405 с.
- Леонтьева 2011 — Леонтьева Т. В. Технологическая метафора в лексико-семантическом поле «Обучение и воспитание» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 23–27.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.
- Лукша 2018 — Лукша П. О. Самообразование — спасательный круг в эпоху стратегической растерянности // Office Life. 2018. 7 июля. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Foffice.life.media%2Farticle%2Fpeople%2Fpavel-luksha-self-a-lifeline-in-an-era-of-strategic-confusion-%2F> (дата обращения: 20.09.2020).
- Нанси 1991 — Нанси Ж.-Л. О со-бытии / пер. М. К. Рыклина // Философия Мартина Хайдеггера и современность / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М. : Наука, 1991. С. 91–101.
- Нанси 1994 — Нанси Ж.-Л. Сегодня / пер. с англ. Е. Петровской // Ad Marginem '93 : ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН / под ред. Е. В. Петровской. М. : Ad Marginem, 1994. С. 148–164.
- Нанси 1999 — Нанси Ж.-Л. Corpus / пер. Е. Петровской, Е. Гальцовой. М. : Ad Marginem, 1999. 255 с.
- Национальный проект 2018 — Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России : официальный интернет-ресурс. 2018. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 20.09.2020).
- Петров 1991 — Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М. : Наука, 1991. 328 с.
- Петров 1996 — Петров М. К. Историко-философские исследования. М. : РОССПЭН, 1996. 512 с.
- Петров 1997 — Петров М. К. Античная культура. М. : РОССПЭН, 1997. 352 с.
- Петров 2004 — Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М. : РОССПЭН, 2004. 775 с.
- Политическая концептология 2020 — Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований / под ред. В. П. Макаренко. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Романов, Ярская-Смирнова 2015 — Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М. : Вариант, 2015. 234 с.
- Щербина, Кислов 2020a — Щербина Е. Ю., Кислов А. Г. К образованию эпохи «Культуры и взрыва» // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 1 (86). С. 10–21. DOI: 10.21510/1817-3292-2020-86-1-10-21.
- Щербина, Кислов 2020b — Щербина Е. Ю., Кислов А. Г. К педагогике эпохи цифрового разрыва // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 1. С. 49–59. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10105.

References

- Abramov, R. N. (2014), “Classification of Research Areas in the Study of Occupations and Professions (Analytical Review)”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, no. 3, pp. 22–49 (in Russian).
- Abramov, R. N. (2016), *Sotsiologiya professii i zanyatii: ocherki istorii i klyuchevye kontseptsii distsiplinarnoi oblasti, monografiya* [Sociology of Professions and Occupations: Essays on History and Key Concepts of the Disciplinary Field, a Monograph], Variant, Moscow, 452 p. (in Russian).

- Andryukhina, L. M. (2013), “Cultural Topology of Creativity: Human Capabilities of the XXI Century”], *Innovative projects and programs in education*, vol. 1, no. 1, pp. 3–8 (in Russian).
- Asmolov, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M. (2017), “Preadaptation to Uncertainty as a Strategy for Developing Systems Navigation: the Ways of Evolution”, *Voprosy Psichologii*, no. 4, pp. 3–26 (in Russian).
- Bataille, G. (2003), *La part maudite*, translated by Skuratov, B. and Khitskii, P., Gnozis, Logos, Moscow, 208 p. (in Russian).
- Black, M. (1990), “Metaphor”, translated by Dmitrovskaya, M. A., in Arutyunova, N. D. and Zhurinskaya, M. A. (eds), *Teoriya metafory, sbornik* [Metaphor Theory, a collection], Progress, Moscow, pp. 153–172 (in Russian).
- Deleuze, G. (1998), *Différence et Répétition*, translated by Man'kovskaya, N. B. and Yurovskaya, E. P., Petropolis, Saint Petersburg, 384 p. (in Russian).
- Ishtiryakova, L. Kh. and Galeeva, G. M. (2019), “Transformation of the Labor Market in the Conditions of Digitalization of the Economy”, *Electronic Economic Newsletter of the Republic of Tatarstan*, no. 3, pp. 26–37 (in Russian).
- Kislov, A. G. (2006), “About the Prospects of Professional Studies”, in *Professional'naya pedagogika: stanovlenie i puti razvitiya, materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 11–12 aprelya 2006 goda, Ekaterinburg, v 3 tomakh. Tom 1* [Vocational Pedagogy: Formation and Ways of Development, Materials of Scientific and Practical Conf., 11–12 April 2006, Yekaterinburg, in 3 vols, Vol. 3], Russian State Vocational Pedagogical University (RSVPU), Yekaterinburg, pp. 75–80 (in Russian).
- Konstantinovskii, D. L., Vakhshain, V. S. and Kurakin, D. Yu. (2013), *Real'nost' obrazovaniya. Sotsiologicheskoe issledovanie: ot metaforyk interpretatsii* [The Reality of Education. Sociological Research: from Metaphor to Interpretation], Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, 224 p. (in Russian).
- Kropotov, S. L. (1999), *Ekonomika teksta v neklassicheskoi filosofii iskusstva Nitsche, Bataya, Fuko, Derrida* [Economy of Text in Non-classical Philosophy of Art: Nietzsche, Bataille, Foucault, Derrida], Liberal Arts University, Yekaterinburg, 405 p. (in Russian).
- Leont'eva, T. V. (2011), “Technological Metaphor in the Lexical and Semantic Field ‘Training and Education’”, *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, no. 1, pp. 23–27 (in Russian).
- Lotman, Y. M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion], Gnozis, Progress, Moscow, 272 p. (in Russian).
- Luksha, P. O. (2018), “Self-education — a Lifeline in an Era of Strategic Confusion”, *Office Life*, 7 July, available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Foffice.life.media%2Farticle%2Fpeople%2Fpavel-luksha-self-a-lifeline-in-an-era-of-strategic-confusion-%2F> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Makarenko, V. P. (ed.) (2020), *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, available at: <http://politconcept.sfedu.ru/info.html> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Ministry of education of Russia (2018), *Natsional'nyi proekt «Obrazovanie»* [The National Project “Education”], Minprosveshcheniya Rossii, available at: <https://edu.gov.ru/national-project> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Nancy, J.-L. (1991), *On Being-In-Common*, translated by Ryklin, M. K., in Motroshilova, N. V. (ed.), *Filosofiya Martina Khaideggera i sovremennost'* [The Philosophy of Martin Heidegger and Modernity], Nauka, Moscow, pp. 91–101 (in Russian).
- Nancy, J.-L. (1994), “Today”, translated by Petrovskaya, E. V., in Petrovskaya, E. V. (ed.), *Ad Marginem '93, ezhegodnik laboratorii postklassicheskikh issledovaniy Instituta filosofii RAN* [Ad Marginem '93. Yearbook of the Postclassical Research Laboratory of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences], Ad Marginem, Moscow, pp. 148–164 (in Russian).
- Nancy, J.-L. (1999), *Corpus*, translated by Petrovskaya, E. V. and Gal'tsova, E., Ad Marginem, Moscow, 255 p. (in Russian).
- Petrov, M. K. (1991), *Yazyk. Znak. Kul'tura* [Language. Sign. Culture], Nauka, Moscow, 328 p. (in Russian).

- Petrov, M. K. (1996), *Istoriko-filosofskie issledovaniya* [Historical and Philosophical Research], ROSSPEN, Moscow, 512 p. (in Russian).
- Petrov, M. K. (1997), *Antichnaya kul'tura* [Antique Culture], ROSSPEN, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Petrov, M. K. (2004), *Istoriya evropeiskoi kul'turnoi traditsii i ee problemy* [History of the European Cultural Tradition and its Problems], ROSSPEN, Moscow, 775 p. (in Russian).
- Romanov, P. V. and Yarskaya-Smirnova, E. R. (2015), *Sotsiologiya professii: analiticheskie perspektivy i metodologiya issledovaniia* [Sociology of Professions: Analytical Perspectives and Research Methodology], Variant, Moscow, 234 p. (in Russian).
- Shcherbina, E. Y. and Kislov, A. G. (2020a), "Education in the Era of 'Culture and Explosion'", *Pedagogical journal of Bashkortostan*, no. 1 (86), pp. 10–21 (in Russian). DOI: 10.21510/1817-3292-2020-86-1-10-21.
- Shcherbina, E. Y. and Kislov, A. G. (2020b), "To the Pedagogy of the Digital Divide", *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, 2020, no. 1, pp. 49–59 (in Russian). DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10105.
- Vakhshstain, V. S. (2006), "Education Code", *Platnoe obrazovanie*, no. 10, pp. 26–29 (in Russian).
- Vakhshstain, V. S. (2011), "Metaphors and Metamorphoses of the University", *Kul'tivator*, no. 3, pp. 20–30 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторах

Кислов Александр Геннадьевич
доктор философских наук, профессор
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
620012, Россия, Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, 11
E-mail: akislov2005@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-0826-8709

Information about the authors

Kislov, Alexander Gennad'evich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Russian State Vocational Pedagogical
University
11 Mashinostroiteley St., Yekaterinburg,
620012 Russia
E-mail: akislov2005@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0003-0826-8709

Щербина Елена Юрьевна
кандидат экономических наук
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
620012, Россия, Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, 11
E-mail: elena.sherbina@rsvpu
Авторский ORCID: 0000-0002-9755-2498

Shcherbina, Elena Yur'evna
Cand. Sci. (Economics)
Russian State Vocational Pedagogical
University
11 Mashinostroiteley St., Yekaterinburg,
620012 Russia
E-mail: elena.sherbina@rsvpu
Author's ORCID : 0000-0002-9755-2498